

ЦЕЛТЛИН Р. М.

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТРУДЫ Г. О. ВИНОКУРА
И СОВРЕМЕННОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
(К 90-летию со дня рождения)**

Г. О. Винокур — профессор МГУ и руководитель Группы словаря Пушкина в Институте русского языка АН СССР — скончался 17 мая 1947 г. в расцвете своего дарования ученого и педагога. Последние его заметки — планы на будущее — помечены апострофом 1947 г.

Прошло 39 лет со дня кончины Г. О. Винокура. Он прожил 50 лет, оставил не так много книг и учеников, но его имя, его труды не только не утратили в наши дни своей актуальности — они привлекают к себе все больший интерес ученых разных поколений.

Г. О. Винокур много сделал для развития советского языкознания, которое для него всегда было первой главой науки о человеческой культуре. Его перу принадлежит более ста завершённых работ по различным вопросам общего языкознания и литературоведения, истории русского литературного языка, лексикографии, стиховедения, текстологии, пушкинистики, общелингвистическим проблемам, теории языкознания. Г. О. Винокур был свойственно философское отношение к науке, были в высшей степени присущи качества подлинного ученого — способность видеть перспективы развития науки, ее цели, умение решать частные вопросы в свете общих задач, умение подойти к самым сложным явлениям так, что становилась видной лежащая в их основе простота. Насыщенные мыслями, строго обоснованные, его, как правило, небольшие работы написаны ясным и точным языком. Имя Винокура не сходило со страниц лингвистических журналов, и встречаем его мы не в отделе истории вопроса, а там, где обсуждаются наиболее остро стоящие проблемы современной науки о языке.

Григорий Осипович с ранней юности интересовался одновременно многими предметами и многим занимался непосредственно, но его специальные научные интересы, определившиеся в своих основных чертах уже в годы учения в Московском университете, при всем их разнообразии внутренне всегда были объединены единым стержнем — филологическим методом анализа тубого памятника письменности. Однажды Винокур высказал суждение, чрезвычайно характерное для всей его деятельности: «Несмотря на двойственный по внешности характер предлагаемого труда, содержащего в себе, с одной стороны, историко-литературные работы, а с другой — лингвистические и стилистические, сам я смотрю на себя, как на автора этого труда, не как на историка литературы, и не как на лингвиста, а прежде всего как на филолога в специфическом значении этого термина. Обе эти науки — сестры, произведения одинаково ориентированного сознания, которое ставит себе задачей истолкование текста. Вот об этих-то общих, собственно филологических задачах обеих наук, служению которым я посвящаю свои силы, мне и хочется напомнить предлагаемым трудом» [Вступительное слово на защите докторской диссертации (ЦГАЛИ, ф. 2164, оп. 1, № 64)].

Понятия филологии и филологического метода занимают очень большое место в общей научной концепции Винокура. Он исходит из «структурного строения всего нашего культурно-социального бытия» и понимает культуру как выражение, о в е ш н е н и е, реализацию смысла. «Смысл не дан иначе как через знак, нет мышления без слова — постижение смысла разума и есть восхождение к нему через овладение одного за другим покровов той структуры, в которой он воплощен» — писал Ви-

покур еще в 1925 г. [1]. Отсюда громадное значение филологического метода для наук о человеческом обществе, так как именно этот метод дает возможность извлекать максимум содержания из различных сообщений о действительности, например, из памятников письменности, позволяет рассматривать язык как часть сложного культурного целого. Это свое понимание филологии ученый развил в курсе лекций под названием «Введение в изучение филологических наук» [2].

Значение Винокура как ученого далеко не исчерпывается его научным наследием. Григорий Осипович был убежден, что настоящий ученый немыслим без своей научной школы. Он отдавал много времени и энергии педагогической работе, был талантливым учителем-воспитателем и у своих учеников пользовался большим уважением и любовью.

Григорий Осипович был глубоко уверен, что значение человека состоит не только в том, что он сделал, что оставит после себя, но и в том, как он живет, как влияет на окружающих людей. Его горячий интерес к людям и к избранной им науке рождал в нем внимательное и уважительное отношение к своим товарищам по работе и к своим ученикам. Он был широко образованным и необыкновенно обаятельным, добрым человеком. И люди в его присутствии всегда раскрывались с лучшей стороны, больше верили в себя, смелее мыслили.

Будучи студентом Московского университета, Винокур занимался преимущественно сравнительно-историческим языковедением с определенным уклоном в славянскую и балтийскую филологию, а также вопросами общей лингвистики.

Наравне с университетом на формирование научного мировоззрения Винокура значительное влияние оказало его активное участие в деятельности двух научных обществ — Московской диалектологической комиссии и Московского лингвистического кружка, сыгравших выдающуюся роль в истории русского языкознания. Одновременно Г. О. Винокур увлекался пушкиноведением и впоследствии вошел в знаменитую плеяду пушкинистов 30—40-х гг. (см. [3—5]).

Г. О. Винокур — инициатор создания Словаря языка Пушкина. Это был первый опыт словаря писателя в советской лексикографии. По убеждению Винокура, такой словарь должен «служить пособием для углубленного научного изучения истории русского литературного языка в тех его фактах, которые отразились в текстах произведений Пушкина» [6].

Одновременно с работой над Словарем языка Пушкина Г. О. Винокур принимал активное участие в создании знаменитого четырехтомного Толкового словаря русского языка под ред. Д. Н. Ушакова (М., 1935—1940), а впоследствии — первого издания однотомного Словаря русского языка С. И. Ожегова.

Влияние идей Г. О. Винокура на различные области современного языкознания и литературоведения в наши дни возрастает. Эти идеи разрабатываются его учениками и продолжателями; среди последних — молодые одаренные ученые, которые уже лично не знали Г. О. Винокура, не слушали его лекций и докладов, но работают в тех областях, которые занимали Винокура на протяжении всей его творческой деятельности и в которых он достиг выдающихся результатов.

В центре научных интересов Винокура-языковеда — историческая стилистика русского литературного языка или, как ее чаще называют в наши дни, история русского литературного языка, хотя это и менее точное определение. Он был одним из первых лингвистов, кто выделил историческую стилистику в особую лингвистическую дисциплину. Это исходное положение имело большое значение для выработки тех кардинальных принципов стилистического исследования, которые определяют логическую законченность и научную значительность как общетеоретических, так и конкретно-исторических работ Винокура в этой области. «Различение проблем и расчленение их предметных оснований, — писал он еще в «Биографии и культуре» — остается для меня главным и основным условием всякого научного труда» [7]. Четкость методологических установок и безупречная логичность рассуждений были для него непререкаемым условием

научного труда. «Задача науки — овладеть истиной, — говорил Винокур своим ученикам, — а чтобы идти к ней правильным путем, лучше не дойти, чем не пройти этим путем» (Из лекций Г. О. Винокура по филологии, цитирую по своим запискам. — Ц. Р.). Отсюда постоянный интерес ученого к теории, к философским основам науки, хотя, при всем этом, он не признавал теоретизирования на пустом месте и был убежден, что наука строится не рассуждениями о ней, а практической работой над ее материалом. Каждое его исследование по конкретному вопросу исторической стилистики — будь то работа о наследстве XVIII в. в языке пушкинского времени или о языковом новаторстве Маяковского, об особенностях стихотворного и драматургического языка «Горе от ума» или о проблеме языка советского исторического романа — всегда имеет своей конечной целью разрешить или способствовать разрешению какого-то узлового, значительного явления в истории языка.

Занимаясь по преимуществу вопросами исторической стилистики, Винокур разрабатывал и общие проблемы языкознания, прежде всего в той мере, в какой это ему было необходимо для определения специфики предмета исторической стилистики. Отсюда его учение о звуках, формах и знаках и об употреблении этих звуков, форм и знаков в реальном языке, о связях лингвистической стилистики с языковедческими дисциплинами, изучающими строй языка, с одной стороны, и с различными иными общественными науками, — с другой. Это учение изложено в центральной работе Винокура по общему языкознанию — «О задачах истории языка» (1941 г.), одним из наиболее ярких теоретических исследований советской лингвистики. Ее существенно дополняют работы: «Об изучении языка литературных произведений» (1946 г., опубликовано в 1959 г.), «Понятие поэтического языка» (1947 г.), «Заметки по русскому словообразованию» (1946 г.), «Форма слова и часть речи в русском языке» (1943 г., опубликовано в 1959 г.), «Орфография как проблема истории языка» (1945 г., опубликовано в 1959 г.) и некоторые другие (см. в [8]).

Г. О. Винокур подходил к тексту как к живой исторической реальности, видя в нем отражение определенной цельной системы элементов, взаимосвязанных в своих функциях. Его всегда интересовали действительные, исторически объективные соотношения языковых явлений, под его руками сырой материал науки как бы сам классифицировался, складывался в стройную систему. На анализе конкретных явлений в истории русского литературного языка Григорий Осипович показал, что функционирование того или иного языкового факта нельзя рассматривать: 1) с точки зрения его происхождения, которое не всегда совпадает с данной языковой реальностью; 2) изолированно от одновременных явлений, действующих в данном языке. Винокур, например, принципиально отказывается рассматривать славянизмы вне связи с соответствующими им русизмами, хотя последние обычно функционируют в речи как нейтральные, беспризнаковые элементы. Григорий Осипович всегда возражал против изучения внешней эволюции изолированных языковых фактов, ограничения исследования описанием только языковых особенностей, хотя и предупреждал своих читателей и слушателей, что изучение именно особенностей как раз и может быть существенно для смежных наук (например, данные диалектологии для этнографии, когда важны именно отличия одного диалекта от другого). Весьма показательна его статья «Фонетика Мстиславовой грамоты около 1130 г.» (1946 г., опубликована в 1962 г.), написанная с определенным методологическим заданием: «... мне захотелось показать, — писал здесь Винокур, — что вполне возможно изучать фонологию древнего памятника, принимая во внимание не отдельные казусы, отличающие данный текст от современного языка или идеальной исконной нормы, но всю совокупность фонетических данных, отразившихся в данном тексте, в их взаимных отношениях» [9].

Рассматривая историю языка как последовательную смену языковых систем, подчиненную определенным закономерностям, Винокур считал необходимым не только открыть и описать ту или иную систему, но и в итоге исследования определить отношения данной системы к предшествующей.

щей и последующей. Именно в этом смысле он считал возможным говорить о «диахронии» языка. Вместе с тем Григорий Осипович неоднократно подчеркивал, что самое противопоставление синхронии и диахронии для **реального языка** — противопоставление мнимое.

Опубликованные в 1946 г. «Заметки по русскому словообразованию» — одна из новаторских работ современного языкознания, скромное название которой не дает представления о значительности ее содержания. Здесь Винокур изложил свою теорию продуктивных и непродуктивных, регулярных и нерегулярных моделей словообразования, вариативности основ; разработал методику установления соотношения мотивирующих и мотивированных слов, производной и непроизводной основ для данной языковой системы, выделил понятие связанной основы, подхода к слову как в дву-члену (биному). Это исследование автора положило начало выделению словообразования в специальный раздел языкознания, проблемы которого привлекли особое внимание лингвистов у нас в стране и за рубежом. Исследования в этой области активно продолжаются, и все они так или иначе связаны с этой основополагающей работой Г. О. Винокура¹.

В 40-е годы Григорий Осипович стал особенно много заниматься теоретическими вопросами структуры языка. Материалы его архива показывают, что он предполагал разрабатывать проблемы значения, падежа, порядка слов, типов предложения, принципов лингвистического изучения лексики (ЦГАЛИ, ф. 2164, оп. 1, № 138, часть этих заметок помечена маем 1947 г.).

Винокур подходил к лексике как системе, принципиально отличной от других единств языка, обладающих значением. Он видел задачи лексикологии «в исследовании отношений между словами», его интересовали причины связей слов — типологического и исторического характера. Отмечу, что до Винокура понятие «лексика как система» не имело терминологического значения².

В своих трудах Винокур неоднократно критиковал характерный для того времени бесплодный субъективизм лексикологических исследований, игнорирующих конвенциональную природу слова как языкового знака. В одной из своих неопубликованных работ он писал: «С лингвистической точки зрения... совершенно невозможно понять, что должны обозначать такие понятия, как „сентиментальная“ или „романтическая“ или „реалистическая“ лексика... Когда, положим, в качестве примеров сентиментальной лексики приводятся слова, вроде *жалость*, *печаль*, *слезы* и т. п., то не ясно ли, что здесь дело вовсе не в словах, а в самих по себе предметах мысли, которые этими словами обозначаются. Автору, по-видимому, не пришлось ни разу в голову спросить себя, как можно было бы перевести слово „слезы“ с сентиментального языка на романтический или реалистический, — а ведь только при этом условии мы бы, действительно, имели возможность говорить о слове *слезы* как о факте языка... Если речь идет о стилистике лингвистической, то она не только исключает, а наоборот предполагает в качестве необходимого предварительного условия структурный анализ соответствующих фактов языка, совершенно так же, как например, стилистической интерпретации каких-либо морфологических или синтаксических фактов непременно должен предшествовать их чисто грамматический анализ» (ЦГАЛИ, ф. 2164, оп. 1, № 100).

Выделяя звуки, формы, знаки как разделы истории языка, Винокур подчеркивает, что они имеют своим предметом строй языка. При этом они не только связаны между собой, но каждый из них без двух других не в состоянии ответить на свои собственные задачи. Каждый раздел является своего рода введением в следующий. Такое членение одинаково отражает

¹ Достаточно сослаться на монографии М. Докудила, Н. Д. Арутюновой, Е. А. Земской, В. В. Лопатина, И. С. Удеханова, на Русскую грамматику (М., 1980) под ред. Н. Ю. Шведовой и др.

² Заметки Григория Осиповича от 22 окт. 1944 г., названные им «Генеральный план» (работы на будущее), содержат в качестве одного из круга проблем (наряду с такими, как «История русского литературного языка» и «Наук русской художественной литературы») пункт: «Лингвистическое изучение лексики». 3-я рубрика этого пункта озаглавлена «Лексика как система» (Из архива семьи).

задачи установления общих лингвистических законов и изучения истории отдельного языка (или группы языков). Но эта схема, как показывает Винокур, не включает всего того, что имеется в реально существующих языках, — рядом с «анатомией» языка существует его «физиология», так как реальная история языка — это во многом то, как общество пользуется своим языком. И здесь взгляды Г. О. Винокура не только не устарели, но приобрели особую актуальность в социалингвистической проблематике.

Лингвистическая стилистика в понимании Винокура — это социальная история языка, так как она непосредственно соединяет историю языка с прочими областями культуры. «Нельзя изучать язык, — писал Григорий Осипович, — вне общества, вне различных форм общественного и индивидуального сознания, вне человеческих чувств» [10]. Именно в силу этих причин ученый называет лингвистическую стилистику «филологической проблемой языкознания по преимуществу». Этим путем ученый подходит к определению специфики той области языкознания, которая является его основной специальностью. «Наряду с проблемой языкового строя, — подчеркивает он, — существует еще проблема языкового употребления, а так как язык вообще есть только тогда, когда он употребляется, то в реальной действительности строй языка обнаруживается только в тех или иных формах его употребления» [8, с. 221].

Употребление языка, по Винокуру, — это «совокупность установившихся в данном обществе языковых привычек и норм, в силу которых из наличного запаса средств языка производится известный отбор, не одинаковый для разных условий языкового общения» [8, с. 221]. Отсюда разные манеры (стили) пользоваться языком: «язык» торжественный, деловой, официальный, фамильярный, правильный, неправильный и т. п. Эти общественные «привычки» имеют свою историю, от которой, что очень важно было отметить, может зависеть и история объективного строя языка, — история звуков, форм, знаков. Именно проблема языкового употребления и составляет предмет стилистики, а применительно к истории языка — исторической стилистики.

В истории языка поэтому Винокур выделяет четыре раздела: фонетику, грамматику, семасиологию и стилистику. Лингвистическая стилистика занимается изучением коллективных форм употребления, т. е. тех языковых фактов, которые характеризуют объективно именно язык, а не отдельных его носителей, несмотря на то, что по своему происхождению экспрессивные свойства языка — субъективны. Отсюда существенно важный вывод о том, что стиль языка и стиль тех, кто пишет и говорит, — разные вещи.

Для Винокура было нужно подчеркнуть, что одно из основных свойств стилистики как специальной лингвистической дисциплины состоит в том, что она изучает язык по всему разрезу его структуры, — и звуки, и формы, и знаки. Стилистика не соотносительна поэтому с прочими дисциплинами, изучающими историю языка, — с фонетикой, грамматикой и семасиологией, хотя в их материале она и находит свой собственный предмет. Стилистика имеет объектом своего изучения только те звуки, формы, знаки, которые обладают определенной стилистической окраской и по этой окраске противопоставлены совокупности иначе окрашенных звуков, форм, знаков. Так выделяются стилистические системы в отличие от системы звуков, форм, знаков, характеризующих строй языка, а не его употребление. Поэтому при изучении употребления нет деления на фонетику, морфологию и семасиологию, в задачи стилистики входят все три данные проблемы и на равных основаниях.

Винокур никогда не отождествляет термины «язык» и «стиль»³. Он предложил следующее определение понятия «стиля речи»: «Экспрессивные свойства звуков, флексий, суффиксов, слов и синтаксических конструкций, вступающих во взаимодействие и в соединение друг с другом, складываются в особые системы, которые определяют собой языковое употребле-

³ Ср., например, высказывания Винокура о разных поэтических стилях в поэзии начала XIX в. и о стилях языка того же времени в работе [11, с. 491—503].

ние. Эти системы мы будем называть стилями речи». Языковое употребление — это «своеобразная субъективная сторона (языка), свидетельствующая о том, как само общество, пользующееся этим языком, переживает и оценивает свою собственную речь и ее составные части» [«Опыт краткой исторической стилистики. § 1. Понятие лингвистической стилистики» (Из архива семьи)]; ср. определение в статье «О задачах истории языка» [8, с. 221].

Винокур протестовал против хаотического употребления многозначных научных терминов, прежде всего таких, как «язык художественной литературы», «язык литературного произведения», «язык писателя», «поэтический язык», «литературный язык», «язык и стиль», «стилистика» и других аналогичных наименований, которые и до настоящего времени в молодой науке о русском литературном языке употребляются недостаточно дифференцированно. Григорий Осипович заботился о том, чтобы история русского литературного языка стала подлинной наукой и при этом наукой лингвистического содержания. Он отдавал себе отчет в том, что специалист по истории литературного языка обязан знать литературу и литературоведение и что последнее всегда будет ближайшим источником необходимых сведений для лингвистической стилистики.

В работах «Об изучении языка литературных произведений» (1946 г.), «Понятие поэтического языка» (1947 г.), отчасти в популярном очерке «Русский язык» (1945 г.) [8], в неопубликованных главах своего учебника по исторической стилистике, а также в ряде конкретных исследований по языку произведений русской художественной литературы XVIII—XX вв. (см. также [12]) Винокур изложил свое понимание задач исторической стилистики в противовес нормативной, задач языковедческой науки о поэтическом языке; показал приемы и методы лингвистического анализа текста; предложил свои толкования названных выше терминов. Среди них основных, освещающих и все остальные, является термин «язык писателя». Определяя его сущность, Григорий Осипович исходит из целей исследования: если в сочетаниях «язык Пушкина», «язык Евгения Онегина», «язык Остромирова евангелия», «язык Псковской грамоты» и т. п. логическое ударение ставится на слове я з ы к, то цель исследования — лингвистическая и задача состоит в том, чтобы выяснить строй и состав соответствующего языка в определенную эпоху его существования на основании изучения названных памятников. Для такой задачи принципиально безразлично, является ли данный текст художественным произведением или нехудожественным.

Исследователь при таком подходе к тексту, учил Винокур, должен иметь в виду, что языковые различия, отмечаемые в памятниках различного содержания, не всегда являются соотносительными, т. е. не всегда принадлежат к одной и той же языковой системе. Такими, во-первых, являются факты письменного языка и живого языка, так как письменный язык может изучаться и непосредственно, и как косвенный источник живого языка. Во-вторых, письменная речь и в своих собственных пределах содержит также несоотносительные между собой факты — в ней присутствуют различия, обусловленные применением средств того или иного стиля речи. Эти специфические приметы разных стилей (типов) письменного языка могут быть исключены из рассмотрения, или, наоборот, именно они и должны являться предметом исследования. Таким образом, в зависимости от подхода тот или иной текст (художественное произведение, летопись, грамота, письмо и т. д.) оказывается или лишь источником сведений, или самою целью исследования.

Ученый особо выделяет нормативное понятие стиля, отличающееся по существу от отмеченного выше, которое непременно предполагает одновременное наличие нескольких стилистических систем. Нормативное же понятие стиля, также исторически изменчивое, предполагает только два противопоставления — правильный, хороший стиль, с одной стороны, и неправильный, плохой стиль — с другой. В соответствии с этим пониманием термина «стиль» существует и особый раздел науки о языке — нормативная стилистика. Это практическая лингвистическая дисциплина, которая имеет

своим предметом историю лингвистических вкусов общества (см. также [13]). Исследователя проблем нормативной стилистики, подчеркивал Винокур, должен не столько интересоваться языковой идеал того или иного времени, сколько вопрос, в каком отношении к данному идеалу эпохи находится язык того или иного писателя этого времени. Винокур говорит об определенной антиномии свободы и необходимости в отношении писателя к языковой норме его времени и среды, в силу которой великие писатели всегда остаются властителями, а не рабами языка [«Об изучении языка литературных произведений», 8, с. 235—236]; «Опыт краткой исторической стилистики», §§ 1, 2, 3 (Из архива семьи)].

Развивая свой взгляд на содержание термина «язык писателя», Винокур выделяет понятие индивидуального языка, личного стиля. Здесь возможен, по его мнению, путь от писателя к языку и, наоборот, от языка к писателю, изучение языка как одного из «поступков» писателя, факт его биографии (ср. кн. [7]). Он указывает и на большое прикладное значение изучения индивидуального своеобраза языка писателя — прежде всего при установлении автора произведений. Ценны наблюдения Винокура по психологии речи, которые он делает, правда, попутно, но в которых содержится много нового и в постановке вопроса, и в выборе материала. Он указывает, например, на важность изучения ряда моментов речи, когда они не имеют собственно грамматического значения: различные приемы смены типов предложения в целом повествовании, интонационные особенности, явления порядка слов и т. п. («Даже тогда, когда мы имеем дело с чисто грамматическим материалом, — пишет Винокур, — известные психологические закономерности могут открываться в том, в каком внеграмматическом соотношении, например количественном, находятся эти отдельные грамматические факты между собой» [8, с. 241]. Высказывания этого рода — одно из проявлений характерной для Винокура дальновидности в постановке научной проблемы. Разрабатывая ту или иную тему, он обычно намечает связанные с ней проблемы будущих исследований. Многие работы последних лет по лингвистике текста и поэтике как раз и посвящены тем вопросам, о которых писал Винокур. В этом плане чрезвычайно своевременно указание Винокура на ошибки представителей школы Фосслера — Шпитцера, которые «биографически-психологическим способом» исследуют «не только индивидуально-личные, но и национальные языки»... [8, с. 239]⁴. «И дело здесь не только в крайнем субъективизме... дело заключается в нем и в б е ж н о с т и подобного бесплодного субъективизма в том случае, когда упускается из виду конвенциональная природа языкового знака, произвольность его связи с соответствующими предметами мысли и когда язык в целом и во всех своих подробностях толкуется как чистая экспрессия, прямое и естественное выражение тех ли иных состояний осознания и психики» (8, с. 239—240); ср. [10, с. 68—69]; ср. также [7, с. 797]).

Винокур рассматривает различные нелингвистические аспекты изучения языка писателя (биографический, психологический, историко-литературный). Лингвистика при этом только дает известный нужный материал. «Думать иначе, — предупреждал Винокур, — значило бы относить к языку многое из того, что на самом деле относится к содержанию, не к о з н а ч а ю щ е м у, а к о з н а ч а е м о м у, всю вообще действительность считать „языком“», то есть стоять на чисто формалистической, метафизической позиции» [8, с. 244]. Таким образом, по убеждению Винокура, биография, психология, история литературы и языкознание пользуются одним и тем же материалом — языком, но точка зрения на него в каждом из названных разделов науки будет различной.

В связи с определением значений термина «язык писателя» Винокур определяет и термины «литературный язык», «поэтический язык» и другие связанные с ними понятия. Винокур характеризует «поэтический язык» в двух планах: как обособленную область языкового употребления, отличающуюся наличием таких форм, слов и оборотов речи, которые в других

⁴ См. хотя бы широко известную работу Фосслера «Культура Франции в зеркале ее языкового развития» [14].

областях языкового употребления не встречаются, и как язык в особой — художественной — функции, язык как искусство. Поэтический язык в этом последнем аспекте — не стиль речи, а «особый модус языка», он передает смысл особого рода. В связи с характеристикой термина «поэтический язык» Винокур определяет сущность «поэтического слова», его специфику и развивает свое понимание «внутренней формы» грамматических средств речи применительно к поэтическому употреблению. Григорий Осипович трактует «внутреннюю форму» иначе, чем Потебня, и решительно возражает против некоторых высказываний этого ученого, в которых всякий язык рассматривается как искусство⁵.

Одной из отличительных особенностей поэтического языка от языка общего, на которую Винокур специально обращает внимание исследователей, является наличие в нем таких отношений между словами, которые мотивированы не словообразовательными связями, а отношениями прямого значения слова (значение общего языка) и его поэтического значения (например, *хлеб* — вообще и *хлеб* — поэтически-образное значение, например, в заглавии романа Ал. Толстого, где оно мотивировано прямым значением). Эти отношения прямого и поэтического значений, по убеждению ученого, должны быть в центре внимания исследователя специального отдела языкознания — язык в его художественной функции. Для языка искусства, подчеркивает ученый, характерна рефлексия на слово, на грамматическую форму, порядок слов и т. п. (например, использование рода существительных в известном стихотворении Гейне «Ein Fichtenbaum»). Безусловно, поэтическое значение проявляется в языке искусства не в каждом слове и не в каждом отдельном грамматическом факте, но это обстоятельство не имеет принципиального значения. Важна сама возможность появления такого значения. «Эта готовность (стать внутренней формой. — Ц. Р.), — писал Винокур, — есть отличительная черта поэтического языка как системы... различные внеграмматические факты и отношения общего языка, все то, что в общем языке, с точки зрения его системы, представляется случайным и частным, в поэтическом языке переходит в область существенного, область собственно смысловых противопоставлений. La parole общего языка в тенденции превращается в la langue языка поэтического» [8, с. 251]. Целый ряд высказываний Винокура о поэтическом языке представляет значительный интерес для специалистов наших дней. Существовало, например, замечание ученого о том, что у поэтического языка нет «единица» исследования, чем у общего языка, вычленившаяся в зависимости от конкретного аспекта изучения. Темой специального исследования может быть, например, изучение сочетаний слов в поэтическом языке. В языке искусства, по его убеждению, всякое сочетание слов имеет тенденцию выступать как фразеологическое единство; это не свободное, не случайное соединение слов. Вот один из его примеров: словосочетания *молодая дева*, *пламень любви* — в общем языке — свободные словосочетания, но в поэтическом языке пушкинской поры они употребляются регулярно и очень часто, а потому там — это тесные словосочетания. И обратно: сочетания типа *насилъственная лоза*, *готическая слава* — там единичны, и уже поэтому они — фразеологические единства для поэтического языка (см. [8, с. 249—252, 388—397]).

Исследования Винокура по стилистике русского литературного языка помимо их непосредственного назначения воспринимаются как те «стимулирующие образцы», о необходимости которых в молодой науке о русском литературном языке неоднократно говорил сам Григорий Осипович. Свои исследования в области литературного языка Винокур начал с изучения языка Пушкина и пушкинского времени. Но так как изучить данную эпоху как определенный этап истории русского литературного языка значило для него не только описать данные языковые явления и дать им синхронное объяснение, но также раскрыть их истоки и их значение для последующих эпох. Григорий Осипович впоследствии стал постепенно разрабатывать, с одной стороны, историю русского литературного языка

⁵ См. работы А. А. Потебни [15, 16] и др.

XVIII в., а с другой, — XX в. Его книга «Маяковский — новатор языка» (М., 1943) является до сих пор непревзойденной работой о языке и стиле поэта. Винокуром написаны подробные очерки по русскому литературному языку первой и второй половины XVIII в. [8, с. 111—161], в которых показывается история разрушения в XVIII в. письменного двуязычия допетровского времени и сложный процесс формирования единого русского национального языка, захвативший все столетие и завершившийся только в первые десятилетия XIX в. С этими очерками связаны и его исследования по вопросам орфографии в сочинениях Тредиаковского [8, с. 468—489]⁶ и в Словаре Академии Российской по двум его изданиям [8, с. 162—188], а также работа «Наследство XVIII в. в стихотворном языке Пушкина» [11], вокруг которой могут быть сгруппированы все его исследования по языку Пушкина. К ним примыкает статья «Горе от ума» как памятник русской художественной речи» [8, с. 257—300] (написана в 1945 г., опубликована в 1948 г.). В центре исследования — внутренняя структура реплики и приемы смены и связей реплик на фоне особенностей членения речи в стихотворном языке, который имеет свои имманентные измерения (стих, стопа, слог). При этом он учитывает, что факты ритмики и эфонии стиха наделены не только определенной экспрессивностью, но могут известным образом участвовать и в передаче поэтических значений.

Винокур всегда интересовался спецификой сценической речи, проблемами индивидуализации языка действующих лиц, структурой диалога, художественными функциями сценического произношения. Он изучал произношение актеров Художественного и Малого театров, прочитал в ВТО доклад «Русская сцена и русский язык» (15 июня 1944 г., ЦГАЛИ, ф. 2164, оп. 1, № 88) и написал для театральных работников краткое пособие по орфоэпии на сцене («Русское сценическое произношение», М., 1948; книга эта была им задумана еще в 20-е годы; см.: ЦГАЛИ, ф. 2164, оп. 1, № 1 — «План учебника русской орфоэпии»). В архиве ученого хранятся картотеки с записью произношения (в принятой современной транскрипции) Книппер, Орлова, Белокурова, Массальского, Еланской, Степановой, Гошевой, Ливанова, Добропавлова, Ершова и некоторых других артистов (см.: ЦГАЛИ, ф. 2164, оп. 1, № 118).

В последние годы жизни Винокур задумал большое исследование по поэтическому языку XIX в., в котором структура стиха должна была изучаться в соотношении с фразово-синтаксическими особенностями языка. В этом плане он предполагал провести сравнительное исследование стихотворного языка пушкинского времени и стихотворного языка второй половины XIX в. В незаконченной статье о поэтическом языке Баратынского Винокур писал: «Исходным синтаксическим целым для моих наблюдений служит отдельное законченное стихотворение. Оно представляет собой тот цельный акт речи, который есть подлинная языковая реальность, обладающая конкретной полнотой своего значения» (ЦГАЛИ, ф. 2164, оп. 1, № 78); см. также картотеку для работы «Ритмика Баратынского» — анализ четырехстопного ямба, где каждое стихотворение выписано на отдельной карточке с характеристикой его рифмовки и размера (ЦГАЛИ, ф. 2164, оп. 1, № 75).

Историю русского литературного языка от первых письменных памятников до наших дней Винокур в общих чертах изложил в небольшой книжке «Русский язык» (М., 1945). Она была написана с популяризаторскими целями, «без всяких исследовательских или педагогических намерений»,... «просто как „книжка для чтения“, содержащая рассказ профессионала о том, что должно представлять интерес для всякого способного воспринимать Россию не только в ее исторических деяниях, но и в ее языке» [8, с. 11]. И в этом отношении она заслужила признание широкой аудитории и получила высокую оценку советских и зарубежных специалистов (см. [17—23]). По замыслу автора, в книге отсутствует научный аппарат и намеренно опущены многие специальные вопросы истории русского языка

⁶ Отмечу, что Винокуру принадлежит заслуга изучения орфографии как исторической дисциплины со своим собственным содержанием.

Тем не менее книга была воспринята лингвистами как собственно научный труд, адресованный специалистам. И действительно, эта работа Винокура органически входит в его научное наследие. Несмотря на сжатую форму изложения, книга дает четкое представление о взглядах автора на основные процессы истории русского литературного языка (особенно важны главы о языке XI—XVII вв., по которым мы не располагаем другими опубликованными трудами ученого; в рукописи осталось его исследование 1939 г. о языке «Слова о полку Игореве» — см.: ЦГАЛИ, ф. 2164, оп. 1, №№ 13 и 41, доклад 1943 г. в МГУ и МГПИ о славянизмах в «Сказаниях о Борисе и Глебе» и в повестях Катывева-Ростовского — см.: ЦГАЛИ, ф. 2164, оп. 1, № 88, стенограммы курса лекций по истории русского литературного языка XI—XIX вв. и некоторые другие работы).

В книге «Русский язык» по-новому решаются многие кардинальные вопросы истории русского литературного языка, в частности, проблема взаимодействия литературного языка и языка художественной литературы в их историческом движении. Автор выделяет язык художественной литературы древнерусского периода в особый тип, или стиль, литературного языка наряду с другими двумя типами, или стилями, того времени — языком памятников церковной письменности и языком памятников деловой письменности. В работе показывается взаимодействие этих трех типов, или стилей, речи на протяжении веков и роль языка художественной литературы в развитии русского литературного языка в целом.

Винокур придавал очень большое значение сопоставительному изучению употребления славянизмов и соответствующих им русизмов различных типов от первых памятников письменности до наших дней. В борьбе книжного и обиходного начал он видел один из основных процессов развития русского литературного языка. Винокур предполагал написать специальную монографию по этому вопросу на материале вариантов фонетического происхождения (типа *глас* — *голос*, *одежда* — *одежа*, *нощь* — *ночь*, *елень* — *олень*, *воздыхать* — *вздыхать*, *восток* — *восток* и т. д.). Программа такого исследования дважды излагалась им в докладах на кафедрах МГУ и МГПИ (см.: ЦГАЛИ, ф. 2164, оп. 1, № 88) и развита в своих отдельных положениях в ст. «О славянизмах в современном русском литературном языке» (1947 г.) (см. [8, с. 443—459]). В его архиве хранятся картотеки с выписками славянизмов и соответствующих русизмов из произведений Блока, Хераскова, Кантемира, Пересветова и других авторов. Первая часть работы должна была быть посвящена теоретическим вопросам — самой постановке проблемы, определению понятий «церковнославянизм» и «лексические варианты» в истории русского литературного языка. Для исследователя были выбраны следующие памятники: по древнерусскому языку — «Сказание о Борисе и Глебе», «Русская правда», «Сказание о Мамаевом побоище», челобитные Пересветова, сочинения Катывева-Ростовского, Катошихина и некоторые другие тексты; по следующему периоду — проповеди Гавриила Бужинского, книга Посошкова, произведения Ломоносова и Сумарокова, «О повреждении нравов» Щербатова, «Полтава» и «История Пугачева» Пушкина; по XX в. — «Возмездие» и «Падение дома Романовых» Блока (см.: ЦГАЛИ, ф. 2164, оп. 1, № 204). Обращаясь прежде всего к исследованию славянизмов с внешним признаком (дублиеты фонетического происхождения), Винокур был далек от мысли придавать исключительно значение именно этой категории слов. К данной группе славянизмов он обратился прежде других только потому, что на их примере можно было более четко и зримо поставить самую проблему. Такое же большое значение придавал Григорий Осипович изучению истории употребления таких пар слов, как *чело* — *лоб*, *перси* — *грудь*, *лакиты* — *щеки* и т. п., омонимов (церковнославянизм — русизм) типа *живот* (1. «жизнь», 2. «живот»), *страдати* (1. «терпеть», 2. «работать»), *убловати* (1. «приветствовать», 2. «целовать») и т. д., слов, вставших в один стилистический ряд со славянизмами, типа *огнь* — *огонь*, *утес* и *утёс* и некот. др.

Большое место в архиве ученого занимают громадные картотеки, посвященные усеченным прилагательным в стихотворных и прозаических текстах XVIII в. Над этой темой Винокур работал несколько лет и в 1947 г.

должен был приступить к обработке собранных материалов (см.: ЦГАЛИ, ф. 2164, оп. 1, № 194). Вопрос об усеченных прилагательных, по мнению Григория Осиповича, следует изучать не в составе так называемых «поэтических вольностей», как это обычно делается, а специально, как своеобразный морфологический вариант членных прилагательных (кое-что на эту тему говорится уже в работах [11, с. 508] и [8, с. 111—137]).

Внезапная смерть помешала осуществлению и целого ряда других планов ученого. В его архиве хранятся материалы и наброски статей о языке Ломоносова, Державина, А. Н. Островского, Некрасова, Блока, Л. Леонова, почти законченная статья «Проблема языка в советском историческом романе» (см.: ЦГАЛИ, ф. 2164, оп. 1, №№ 78, 111, 117, 216). В этой последней работе Винокура, как и всегда, интересовала «самая проблема языка» — «язык современного исторического повествования как специфическая примета данного литературного рода». На материале исторических романов Ал. Толстого, Бородина, Голубова, Чапыгина и некоторых других авторов он показывает, «что же именно представляет эта языковая форма как известная разновидность художественной речи, какими общими условиями определяются те или иные конкретные ее воплощения, как она связывается с общим художественным методом исторического романиста» (Из архива семьи).

Григорий Осипович Винокур не дописал своих книг, не дочитал лекций, не выполнил и половины задуманного. В феврале 1947 г. он записал:

«Г о т о в о к р у к о п и с и: 1. Русск(ое) сценич(еское) произн(ошение) 4 л.; 2. Форма слова и части речи 1,5 л.; 3. Бахч(исарайский) фонтан 6 л. (история создания и комментарий к тексту. — Ц. Р.); 4. Цыганы 2 л. (то же. — Ц. Р.); 5. К изучению орфографии П(ушкин)а 1 л.; 6. Орфографич(еская) теория Тред(никовского) 2,5 л.; 7. Введение в филологию ч. 1, 4 л.

II. Начатое в разной стадии: 1. Усечения (прилагательных и причастий в истории русского литературного языка. — Ц. Р.); 2. История славянизмов; 3. Язык истор(ического) романа; 4. Я и ТЫ в лирике Барат(ынского); 5. Триодь М. К. (Моисея Княнина, рукопись XII—XIV вв. — Ц. Р.); 6. Лекции по истор(и) лит(ературного) языка; 7. Удвоения (о лексических повторах и синтаксическом параллелизме в русской лирике. — Ц. Р.); 8. Бурьшата (о диалектологической экспедиции со студентами ИФЛИ. — Ц. Р.); 9. „Бесы“ Достоевского (речевые портреты героев. — Ц. Р.); 10. Ритмика Барат(ынского); 11. Язык „Слова о полку“ Иг(ореви); 12. Творит(ельный) ед. ч. ж.р. у Пушкина.

III. В за м ы с л е: 1. О лексике, внутр(енняя) форма; 2. О слове синонимов; 3. Леонов (порядок слов); 4. Язык Москвы по Островскому; 5. Дублетные глагольные основы у Пушкина; 6. Морфология в 18—19 вв.; 7. Второе сказуемое; 8. Личные местоимения в др(евне) русск(ом) языке; 9. Герои Дост(оевского) (см. выше. — Ц. Р.); 10. Чужая речь в сов(етской) прозе; 11. Система русск(ого) словообразов(ания)»⁷.

Эти планы принадлежат не только Григорию Осиповичу, они отражают поступательное развитие нашей науки, принадлежат науке и должны служить ей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокур Г. О. Поэзия и наука. — В кн.: Чет и Нечет. Альманах поэзии и критики. М., 1925, с. 44—45.
2. Винокур Г. О. Введение в изучение филологических наук (Выпуск первый. Задачи филологии). — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1978. М., 1981.
3. Гомащевский Б. В. Основные этапы изучения Пушкина. — В кн.: Пушкин. Кн. вторая. М. — Л., 1961.
4. Основные проблемы пушкиноведения на современном этапе. — ИАН ОЛЯ, 1962, № 1.
5. Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М., 1966, с. 141, 221, 253, 329, 344, 349, 359, 362, 376, 377, 413, 434, 454—456, 532—534, 551, 559, 581, 582, 589, 602, 607.
6. [Винокур Г. О.] Словарь языка Пушкина. — В кн.: Проект словаря языка Пушкина. М. — Л., 1949, с. 12—13.

⁷ Выражаю искреннюю признательность Т. Г. Винокур, предоставившей мне возможность познакомиться с этими и предыдущими записями Г. О. Винокура.

7. Винокур Г. О. Биография и культура. М., 1927, с. 85.
8. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
9. Винокур Г. О. Фонетика Мстиславовой грамоты около 1130 г.— В кн.: Вопросы славянского языкознания. Вып. 6. М., 1962, с. 67.
10. Винокур Г. О. Эпизод идейной борьбы в западной лингвистике.— ВЯ, 1957, № 2, с. 67.
11. Винокур Г. О. Наследство XVIII в. в стихотворном языке Пушкина.— В кн.: Пушкин — родоначальник новой русской литературы. Под ред. Благого Д. Д., Кирпотина В. Я. М.— Л., 1941.
12. Винокур Г. О. Язык литературы и литературный язык.— В кн.: Контекст. 1982. М., 1983.
13. Винокур Г. О. Из бесед о культуре речи.— Русская речь, 1967, № 3.
14. Vossler K. Frankreichs Kultur im Spiegel seiner Sprachentwicklung. Heidelberg, 1913.
15. Потебня А. А. Мысль и язык. СПб., 1863.
16. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М., 1958.
17. Винокур Григорий Осипович.— В кн.: Русский язык: Энциклопедия. М., 1979.
18. Винокур Григорий Осипович.— В кн.: Энциклопедический словарь юного филолога. М., 1984, с. 288—289.
19. Звегинцев В. А. Г. О. Винокур.— В кн.: История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1960, с. 227.
20. Бархударов С. [Г]. Григорий Осипович Винокур.— В кн.: Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, с. 3—8.
21. Петерсон М. Н. Григорий Осипович Винокур.— РЯШ, 1947, № 4.
22. Mazon A. Necrologie.— RESL, 1947, fs. 1—4, p. 284.
23. Scharnhorst J. Sprachkultur in der sowjetischen Sprachwissenschaft der 20-er Jahre zu G. O. Vinokurs Buch «Культура языка».— ZPSK, 1985, 3, S. 283—296.